

Н. П. Генералова, Л. К. Хитрово

**К РОДОСЛОВНОЙ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»
(Кто дал фамилию Евгению Базарову?)**

Казалось, после обнаружения английским тургениеведом Патриком Уоддингтоном подготовительных материалов к роману «Отцы и дети» вопрос о прототипе главного героя решился окончательно и бесповоротно.¹ О Базарове в этих материалах сказано следующее: «Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного — работящ. — (Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского.) Живет малым; доктором не хочет быть, ждет случая. — Умеет говорить с народом, хотя в душе его презирает. Художественного элемента не имеет и не признает».² Откликаясь на эту публикацию, А. И. Батюто, подготовивший текст романа и комментарии к нему в первом и втором академических изданиях Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, писал: «Эта выразительная заметка кладет конец бесконечной дискуссии о том, кто был прототипом Базарова: Добролюбов, Писарев, доктор Дмитриев, Якушкин или кто-нибудь другой. Прототипов, как и предполагалось, оказа-

---

¹ *Waddington P. Turgenev's Sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and Sons») // NZ Sl J. 1984. P. 63–76.* Эти материалы, с исправлением допущенных первым публикатором опечаток и неточностей, были опубликованы и прокомментированы А. И. Батюто в 12-м томе Сочинений Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева (М., 1986. С. 563–576, 717–730). Авторами публикации и комментариев значатся А. И. Батюто и П. Уоддингтон. Далее ссылки на подготовительные материалы к «Отцам и детям» приводятся по этому изданию.

² *ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 566.*

лось несколько <...>».³ Тем не менее дискуссия продолжилась. И продолжил ее не кто иной, как сам А. И. Батюто в цитируемой статье.

Помимо названных Тургеневым в подготовительных материалах трех прототипов, существовал по крайней мере еще один, упомянутый писателем в цикле «Литературные и житейские воспоминания». В статье «По поводу „Отцов и детей“», вошедшей в названный цикл, Тургенев писал: «Не однажды слышал я и читал в критических статьях, что я в моих произведениях „отправляюсь от идеи“ или „провожаю идею“; иные меня за это хвалили, другие, напротив, порицали; с своей стороны, я должен сознаться, что никогда не покушался „создавать образ“, если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы».⁴ Это признание, не единожды высказанное писателем, целиком относилось и к центральному образу романа, вызвавшего такие горячие споры в русском обществе, — к образу Евгения Базарова. «Не обладая большою долею свободной изобретательности, — продолжал далее Тургенев, — я всегда нуждался в данной почве, по которой я бы мог твердо ступить ногами. Точно то же произошло и с „Отцами и детьми“; в основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года.) В этом замечательном человеке воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма».⁵

Описывая поразившую его личность (позже он будет фигурировать в статье как «доктор Д.»), Тургенев, однако, не уточняет, что же, собственно, его так поразило в молодом человеке. Более того, он признается, что сильное впечатление, произведенное на него молодым доктором, было для него самого «не совсем ясно». Он представлял собою нечто новое, что писателю «чудилось повсюду» и чему он не мог найти названия. Впрочем, здесь Тургенев, кажется, лукавил. Описывая свои первые мысли о будущем романе и его необыкновенном герое, он, похоже, уже знал название явления, которое задумал воспроизвести: опубликованные П. Уоддингтоном подготовительные материалы свидетельствуют об этом совершенно недвусмысленным образом. В так называемом «Формулярном списке действующих лиц новой повести» характери-

---

³ *Батюто А. И.* К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации) // *РЛ*. 1985. № 4. С. 157.

⁴ *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 86.

⁵ Там же.

стика Базарова содержит ключевое слово, о котором идет речь: «нигилист». Дата на титульном листе «Формулярного списка» указана точная: «август 1860», то есть та самая дата, которая названа и в начале статьи «По поводу „Отцов и детей“». ⁶ Таким образом, приступая к работе над романом, писатель вполне ясно представлял себе то, что собирался описать. Другое дело, что отношение к этому явлению не было еще вполне определившимся, как и отношение к будущему главному герою.

Возвращаясь к «доктору Д.», столь поразившему воображение писателя, А. И. Батюто счел, что Тургенев раскрыл только один прототип Базарова, «очевидно, по дипломатическим соображениям». ⁷ С этим тезисом можно согласиться лишь отчасти. Действительно, именно в статье «По поводу „Отцов и детей“» Тургенев пытался отвести от себя подозрения в «памфлете» на Добролюбова. ⁸ Однако слово «дипломатические соображения» здесь не совсем уместно: Тургенев с чистым сердцем мог утверждать, что Базаров не был «памфлетом» на Добролюбова и что он высоко ценил рано умершего критика как человека и писателя. «Дипломатия» заключалась лишь в том, что имя Добролюбова было уже названо критиками Тургенева в качестве объекта «отмщения», а потому писателю пришлось «открещиваться» от того, что было очевидно уже его современникам.

И все же, думается, Тургенев нисколько не погрешил против правды, назвав имя таинственного «доктора Д.», личность которого «легла в основание» образа Базарова. «По неизвестным причинам, — справедливо писал А. И. Батюто, — этот четвертый по счету, но, по-видимому, не последний по значению прототип в формуляре и в плане романа не упоминается. Как нам кажется, все-таки не следует сбрасывать со счета или умалять значение свидетельства мемуариста А. В. Половцова, согласно которому Тургенев говорил ему летом 1876 года, что „без уездного врача Дмитриева не было бы Базарова“». ⁹ Половцов, первый рас-

---

⁶ «Я брал морские ванны в Вентноре, маленьком городке на острове Уайте, — дело было в августе месяце 1860 года, — когда мне пришла в голову первая мысль „Отцов и детей“ <...>» (Там же).

⁷ *Батюто А. И.* К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации). С. 158.

⁸ «Мои критики называли мою повесть „памфлетом“, упоминали о „раздраженном“, „уязвленном“ самолюбии; но с какой стати стал бы я писать памфлет на Добролюбова, с которым я почти не видался, но которого высоко ценил как человека и как талантливого писателя?» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 11. С. 87–88).

⁹ *Батюто А. И.* К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации). С. 159.

крывший полностью имя «доктора Д.», воспроизвел в своих воспоминаниях и рассказ Тургенева о встрече с молодым доктором. «Я ехал из Петербурга в Москву во втором классе, — говорил Тургенев. — Он сидел против меня. Говорили мы мало, о пустяках. Он распространялся о каком-то средстве против сибирской язвы. Его мало интересовало — кто я, да и вообще литература. Меня поразила в нем базаровская манера, и я стал всюду приглядываться к этому нарождающемуся типу. Вскоре после того я узнал, что Дмитриев умер».¹⁰

К сожалению, никому пока не удалось найти никаких сведений об этом человеке, но трудно представить, чтобы Тургенев выдумал его: никаких видимых причин для этого нет.¹¹

Очевидно, именно известие о смерти молодого врача, рассуждавшего в поезде в присутствии Тургенева о средстве против сибирской язвы, и было толчком к созданию трагического образа Базарова. В самом деле: молодой доктор, самоуверенный, нисколько не интересующийся своим собеседником, в котором не признал известного всей России писателя, по-видимому резкий в суждениях, однако увлеченный своим делом и уже тем самым привлекая внимание своего наблюдательного спутника, вдруг неожиданно умирает в расцвете сил. У него должны были остаться родители, любимая женщина, друзья. Домыслить остальные сюжетные ходы было делом привычным для такого мастера, каким был Тургенев. По странному совпадению, столь же неожиданно умер в возрасте двадцати пяти лет, спустя всего несколько месяцев после выхода в свет романа «Отцы и дети», блестящий оппонент Тургенева Н. А. Добролюбов, чье имя в августе 1860 года писатель внес в формуляр своего будущего героя Евгения Васильевича Базарова. О том, что Добролюбов тяжело болен и с середины мая все того же 1860 года находится на ле-

---

¹⁰ *Половцов Ан.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Царь-Колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 год.* М., 1886. С. 77.

¹¹ Известный орловский краевед Н. М. Чернов в свое время усомнился в реальном существовании доктора Дмитриева, предложив на его место другого провинциального врача — Виктора Ивановича Якушкина (1829–1872), многие черты которого угадываются в Базарове (см.: *Чернов Н.* Об одном знакомстве И. С. Тургенева // *ВЛ.* 1961. № 8. С. 191). По поводу этой гипотезы П. Г. Пустовойт в свое время заметил: «Нет надобности доказывать, что Тургенев не мог похоронить живого человека за 12 лет до его смерти» (*Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный комментарий. М., 1964. С. 25). Правда, данный аргумент не снимает вопроса, если, разумеется, не искать в том или ином лице единственный реальный прототип художественного образа, что в принципе не характерно ни для Тургенева, ни для какого-либо другого большого художника.

чении за границей, писатель, конечно, знал. Более того, когда Тургенев, находясь в Куртавнеле, приступил к «Краткому изложению содержания новой повести», помеченному октябрём 1860 года, Добролюбов жил всего в нескольких верстах от него, в Париже, и даже подумывал, не остаться ли ему за границей насовсем. Однако побуждаемый чувством долга перед редакцией журнала «Современник», он вернулся в Петербург, где и скончался 17 ноября 1861 года. Символично, что похоронен он был на Волковом кладбище рядом с В. Г. Белинским, «заяв» таким образом место будущего упокоения Тургенева. А ещё через несколько лет рядом с Белинским и Добролюбовым ляжет один из наиболее ярких представителей нового поколения — Дмитрий Иванович Писарев, первым признавший в Базарове истинного героя своего времени. Ему было всего 28 лет: он утонул во время купанья в Рижском заливе 4 июля 1868 года. С обоими «нигилистами», неожиданно и безвременно ушедшими из жизни в молодом возрасте, Тургенева связывали непростые отношения, но оба они, признавая в писателе огромный талант, позволяли себе и резкие отзывы о его творчестве.

Живя в Париже, Добролюбов познакомился с писательницей и переводчицей Марией Александровной Маркович, более известной под псевдонимом Марко Вовчок, с которой в это время много общался Тургенев. Не исключено, что писатель тогда же встречался во Франции и со своим беспощадным критиком. Д. И. Писарев тоже был хорошо знаком с Марко Вовчок и даже состоял с нею в дальнем родстве. Это не мешало ему страстно увлечься ею после ее возвращения из-за границы в Россию в 1866 году и пережить тяжелую личную драму. Он и погиб, находясь вместе с М. А. Маркович и ее сыном на летнем отдыхе. Высказывалось мнение, что его смерть была замаскированным самоубийством.¹²

Таким образом, говоря об обнаруженном сравнительно недавно авторском свидетельстве о реальных прототипах главного героя «Отцов и детей», следует заметить, что по большому счету оно мало что добавило к уже известному, хотя и поставило перед исследователями некоторые новые вопросы.

Личность Ивана Васильевича Павлова (1823–1904), названного в формуляре Базарова вторым после Добролюбова, ни у кого из тургеневедов, начиная с первого публикатора П. Уоддингтона, не вызвала никаких сомнений, хотя это имя впервые появилось в качестве прототипа главного героя «Отцов и детей» именно в подготовительных материа-

---

¹² См.: Кондаков И. В. Писарев Д. И. // *Русские писатели*. Т. 4. С. 621.

лах к роману. Незаурядный человек, оставивший заметный след в литературе и науке, Павлов входил в ближний круг Тургенева, был знаком с Герценом и Огаревым, с М. Е. Салтыковым и П. В. Анненковым и многими другими видными литераторами сороковых годов. Анненков, впервые познакомившись с Павловым в подмосковном имении Герцена Соколово, вспоминал, как поразил его этот человек «оригинальной грубостью своих приемов, под которыми таилось у него много мысли, наблюдения, юмора и т. д.».¹³ Попав во время учебы в Александровском лицее под влияние М. В. Буташевича-Петрашевского, Павлов был исключен, что не помешало ему окончить медицинский факультет Московского университета и стать хорошим врачом. Правда, в отличие от Базарова, Павлов не был чужд литературе и в особенности любил произведения Тургенева. Острый на язык, подчас грубоватый в обращении, он, по собственному признанию, «плакал без всякого зазрения совести», читая рассказ «Петр Петрович Каратаев», а по поводу «Гамлета Щигровского уезда» писал другу: «Я давно уж ничего подобного по-русски не читал».¹⁴ К писателю Павлов относился с трогательной преданностью («Ваш от головы до ног Ив. Павлов» — так подписал он свое письмо от 20 декабря 1860 года¹⁵), и Тургенев платил ему очевидной приязнью. Павлов даже пользовал Тургенева как доктор.

«И. В. Павлов был неводержан на язык, — отмечал А. И. Батюто, — отличался, как Добролюбов и Базаров, резкими высказываниями по вопросам литературы, даже побранивал Тургенева за „Дворянское гнездо“ <...> был часто горяч, но всегда отходчив, и это к нему привлекало».¹⁶ Но что особенно важно, подчеркнул исследователь, так это исключительная симпатия Тургенева к талантливому провинциальному врачу и литератору. Это значило, что «жизненная подоснова базаровского типа была такова, что заставляла писателя, при всем полемическом заряде этого образа, испытывать к нему как невольное, так и вполне осознанное влечение».¹⁷ Позднее Павлов несколько отошел от революционных увлечений молодости: будучи знаком еще со студенческих времен

---

¹³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 257–258.

¹⁴ Цит. по: Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Под ред. М. П. Алексева. Л., 1982. С. 145. Эта статья — наиболее полный очерк жизни и деятельности И. В. Павлова, к ней приложены пять писем Павлова к Тургеневу. Письма Тургенева к И. В. Павлову также сохранились, они опубликованы в ПССИП.

¹⁵ Цит. по: Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева. С. 152.

¹⁶ Батюто А. И. К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации). С. 158.

¹⁷ Там же.

с известным собирателем русского фольклора П. И. Якушкиным, он сблизился с его друзьями и единомышленниками — П. В. Киреевским, П. А. Бессоновым, Ф. И. Буслаевым, А. С. Хомяковым и другими деятелями славянофильской ориентации. Характерно, что среди его близких знакомых был и брат П. И. Якушкина Виктор Иванович, которого Н. М. Чернов, как уже говорилось, прочил в прототипы Базарова.

Несколько сложнее обстоит дело с третьим прототипом Базарова, названным в подготовительных материалах, подобно остальным персонажам, лишь по фамилии: Преображенский. В статье А. И. Батюто эта личность была идентифицирована как институтский товарищ Н. А. Добролюбова Николай Сергеевич Преображенский, о котором известно не слишком много. Вот что писал в цитируемой выше статье ученый об очерке Преображенского «Общественный деятель», напечатанном в первой книжке журнала «Современник» за 1864 год: «Очерк не лишен некоторых литературных достоинств, однако после выхода в свет капитального романа Гончарова и посвященной ему статьи Добролюбова его невозможно было принимать всерьез. Вероятно, Преображенский и раньше, т. е. до 1864 года, представлялся Тургеневу некоей тенью, двойником Добролюбова, выразительным лишь настолько, насколько могут быть выразительны копия по сравнению с оригиналом или прилежный, но посредственный ученик по сравнению с бесспорно талантливым учителем, наставником».¹⁸ А. И. Батюто даже предположил, что именно по причине своей «вторичности» Преображенский оказался последним в авторском перечне прототипов.¹⁹

Между тем есть основания полагать, что Тургенев имел в виду совсем иное лицо. В 1992 году в первом выпуске «Спасского вестника» появилась статья Е. А. Козеевой, в которой была названа другая кандидатура на место предложенного А. И. Батюто Н. С. Преображенского. Ею оказался уроженец Тульской губернии молодой земский доктор Василий Григорьевич Преображенский (1832 — после 1880), с которым, как убедительно показала автор статьи, Тургенев мог быть вполне знаком лично.²⁰ Дело в том, что отец Василия Григорьевича, Григорий Ильич Преображенский²¹ вплоть до 1870 года был управляющим имениями

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Версия с Н. С. Преображенским попала и в комментарии *ПССиП(2)* (Соч. Т. 12. С. 720).

²⁰ Козеева Е. А. К вопросу о прообразе Базарова // Спасский вестник. 1992. <Вып. 1.> С. 26–30.

²¹ См. статью Е. А. Козеевой о нем в разделе «Материалы к Тургеневской энциклопедии» в наст. томе.

родного брата Тургенева — Николая Сергеевича, владевшего в том числе и родовым селом Тургенево Чернского уезда. Именно в Чернском уезде практиковал сын Г. И. Преображенского Василий. Обнаруженное в Государственном архиве Тульской области дело по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии Преображенского Василия Григорьевича позволило Е. А. Козеевой открыть «яркую, интересную личность». Закончив Московский университет со степенью лекаря, летом 1855 года Преображенский занимался по Чернскому уезду мерами по прекращению эпидемии холеры, которой так боялся всю жизнь Тургенев. Именно в то лето Тургенев жил безвыездно в Спасском, опасаясь заразиться. «Поскольку деятельность Преображенского разворачивалась в непосредственной близости от Спасского, — считает Козеева, — Тургенев мог узнать впоследствии о самоотверженной его работе <...>».²² Конечно, Преображенский не умер от инфекции, как Базаров, но вполне мог заразиться и умереть. Судя по его послужному списку, он показал себя деятельным, «работающим», очень способным врачом, заслужив впоследствии несколько наград, в том числе ордена Станислава 2-й степени, св. Анны 2-й степени, св. Владимира 4-й степени, давший ему право на дворянство, дослужился до чина статского советника. Но все это случилось гораздо позже, когда Евгения Васильевича Базарова уже не было в живых...

Предполагая, что Тургенев мог познакомиться с молодым врачом в селе Тургенево, куда Преображенский приезжал повидать отца, а также по долгу службы, Е. А. Козеева высказывает вполне убедительную гипотезу: «Возможно, в с. Тургенево, где бывал писатель, ему приходилось слышать споры молодого выпускника Московского университета с его отцом, с Н. С. Тургеневым, а может быть, и самому принимать в них участие».²³

Однако, не умаляя открытия Е. А. Козеевой, следует все же сказать о том, что имя тульского доктора Василия Григорьевича Преображенского было названо первым публикатором подготовительных материалов к «Отцам и детям» П. Уоддингтоном в названной выше публикации. Вот что написал исследователь о Преображенском: «Это тайна, и трудно сказать с какой-либо долей уверенности, кто имеется в виду. Если этот Преображенский был поставлен в один ряд с Добролюбовым и Павловым в качестве прототипа Базарова, он, очевидно, был важен

---

²² Козеева Е. А. К вопросу о прообразе Базарова. С. 28.

²³ Там же. С. 30.

для Тургенева».²⁴ Именно в связи с этим персонажем П. Уоддингтон вспоминает о таинственном докторе «Д.», упомянутом писателем в статье «По поводу „Отцов и детей“»: «Кроме того, существует проблема без вести пропавшего доктора Д., который, как предполагается, послужил толчком к роману и который умер до того, как Тургенев приступил к его написанию. Возможно, литера Д., добавленная к печатному тексту позже и отсутствующая в рукописи, была избрана произвольно и не имеет отношения, как это часто утверждается, к доктору Дмитриеву. Не мог ли за ней скрываться доктор Преображенский? Если это так, то им мог быть <...> Василий Григорьевич Преображенский <...>, тульский акушер и хирург, часто упоминаемый в связи с семьей Л. Н. Толстого, которому он в 1864 году вправлял правую руку после падения его с лошади».²⁵ Как и Е. А. Козеева, П. Уоддингтон знал о том, что отец В. Г. Преображенского служил управляющим у брата Тургенева, однако он не предполагал, что писатель мог быть знаком лично с молодым доктором, потому что найденная им дата его рождения (1839) давала Василию Григорьевичу шанс быть в конце 1850-х годов лишь студентом. Судя по всему, дата смерти Преображенского, оставшаяся неизвестной Е. А. Козеевой (она указывает 1880 год как дату подачи дела Преображенского по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии), была хорошо известна толстоведом, из чьих работ и комментариев П. Уоддингтон позаимствовал даты жизни доктора — 1839–1887.²⁶ Но, доверившись авторитетным изданиям, Уоддингтон ошибся в дате рождения. Извлеченная Е. А. Козеевой из архивного документа, она теперь не вызывает сомнений: это не 1839, а 1832 год. Что касается даты смерти В. Г. Преображенского, то в ней, как будет показано далее, толстоведы оказались правы, а вслед за ними прав и П. Уоддингтон: это 1887 год.

Как бы то ни было, сам факт, что два исследователя разными путями пришли к одному лицу, говорит о многом и делает предположение

---

²⁴ Waddington P. Turgenev's Sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and Sons»). P. 44.

²⁵ Ibid.

²⁶ П. Уоддингтон ссылается на издания: Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. 3-е изд. Тула, 1959; Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. М., 1958, а также на т. 61 Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Те же даты фигурируют в именном указателе книги: Сухотина-Толстая Т. А. Воспоминания. М., 1976. С. 530. Очевидно, источником для всех последующих изданий послужил т. 61 ПСС Толстого (М., 1953), где Преображенский назван Василием Герасимовичем и дается ссылка на его некролог, опубликованный в газете «Врач» (1887. № 47).

об этом прототипе Базарова еще более вероятным. К сожалению, А. И. Батюто, никак не аргументируя свою точку зрения, отказался от гипотезы П. Уоддингтона и предложил собственную кандидатуру на место загадочного Преображенского, о чем говорилось выше. Эта точка зрения была зафиксирована и в комментариях к опубликованным подготовительным материалам в 12-м томе Сочинений Полного собрания сочинений и писем Тургенева.²⁷

Таким образом, объединив результаты исследований П. Уоддингтона и Е. А. Козеевой, мы можем составить более полное представление об одном из возможных прототипов Базарова. Характеристика его деятельности, содержащаяся в некрологе, подписанном А. М. Рудневым, настолько примечательна, что имеет смысл воспроизвести этот некролог целиком.

Под рубрикой «умерли» в соответствующем разделе столичной газеты «Врач» за 1887 год четвертым в списке значится В. Г. Преображенский: «В Туле, 2 ноября, старший врач земской больницы *В. Г. Преображенский*, от скоротечной чахотки, присоединившейся к долголетнему хроническому страданию костей, фиброзных тканей и лимфатической системы. Кончив курс в Москве, покойный всю свою врачебную деятельность посвятил Туле, сначала в качестве вольнопрактикующего врача, затем в качестве ординатора и, наконец, старшего врача губернской больницы. Для последней покойный сделал очень много: благодаря той популярности, которой он пользовался в обществе и земстве, все предлагавшиеся им преобразования проходили беспрепятственно. Так, ему удалось: 1) приспособить больницу к более правильному размещению больных; 2) значительно улучшить довольствие больных, которое в настоящее время приближается к т. наз. трактирной системе; 3) увеличить запас белья настолько, что стало возможным менять его по мере надобности; 4) устроить правильный надзор и уход за больными, благодаря учрежденной при больнице школе фельдшеров и акушерок;

---

²⁷ Без внимания оставил А. И. Батюто еще одну версию, предложенную П. Уоддингтоном. «Единственным Преображенским, который может быть назван в дополнение к предыдущему, это Петр Михайлович (род. в 1817). Обучавшийся сначала в Туле, он затем изучал медицину и агрономию в Московском университете и за границей. Он был известным учителем и автором работ по агрономии. Это, конечно, важная тема в „Отцах и детях“» (*Waddington P. Turgenev's Sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and Sons») P. 60*). Учитывая все выше сказанное, эту версию следует признать несостоятельной. Особенно важно, что к 1859 г. (время действия романа) этому Преображенскому исполнилось бы уже 42 года и к молодому поколению его приписать было бы совершенно невозможно.

5) завести собственную аптеку, вследствие чего стало возможным прописывать какие угодно лекарства, и, наконец, б) распределить занятия по больнице между специалистами — обстоятельство, позволившее значительно расширить деятельность больницы. Благодаря усилиям покойного, психиатрическое отделение было отделено от общей больницы и превращено в особое, самостоятельное и обширное учреждение, но самым любимым делом покойного было основанное им родильное отделение, с школой для повивальных бабок. Этому последнему отделению, в котором он сам преподавал, он посвящал все свои досуги. Личная практика покойного сосредоточивалась, главным образом, в области хирургии и акушерства».²⁸

Как ни удивиться прозорливости Тургенева, угадавшего в молодом провинциальном враче будущего крупного деятеля, каким, без сомнения, был В. Г. Преображенский, как ни вспомнить эпизод знаменитого романа, когда Базаров вылечивает маленького сына Николая Петровича Кирсанова и Фенечки. Отсутствие дополнительных сведений о Преображенском в воспоминаниях современников свидетельствует, в свою очередь, о том, что он был совершенно не склонен к светской жизни. Иначе он бы воспользовался знакомством хотя бы с семьей Л. Н. Толстого, чтобы придать своему имени больше значения. Дальнейшие разыскания, в особенности в тульских газетах, должны расширить наши представления о безусловно незаурядной личности доктора Преображенского, фамилия которого, кстати, свидетельствует о принадлежности его к духовному сословию.

Следует обратить внимание и еще на одно замечание Е. А. Козеевой. Накануне крестьянской реформы 1861 года во всех губерниях собирались сведения о состоянии помещичьих имений и положении принадлежавших им крестьян. Не избежали этой участи и братья Тургеневы. «И. С. Тургенев, как известно, также готовился к выборам в комитет, и по его имениям также подавались сведения, — пишет Е. А. Козеева. — В течение зимы 1858–59 годов он часто бывал в Туле и, возможно, встречался с управляющим брата <т. е. Г. И. Преображенским. — *Н. Г.*>. Обилие тульских впечатлений и встреч отражают переписка Тургенева этого периода, мемуары современников».²⁹ Далее исследовательница приводит выдержку из мемуаров кн. Д. Д. Оболенского, который писал: «Мы проводили зиму 1858–1859 года в Туле, так как вотчим мой попал в Тульский комитет по выбору. Зима эта была крайне интересна, ибо

---

²⁸ Врач. 1887. 19 ноября. № 47. С. 924.

²⁹ Козеева Е. А. К вопросу о прообразе Базарова. С. 27–28.

в Туле постоянными гостями нашими были: братья Самарины, Лев и Сергей Толстые, Григорович, Васильчиков, Тургенев, А. С. Хомяков и многие другие <...>». ³⁰ И действительно, время надежд на решительное изменение общественной ситуации в России, время вдохновенных замыслов объединило людей, до той поры занимавших крайние позиции и находившихся в конфронтации друг с другом. Общее дело и общие надежды до поры до времени сплотили западников и славянофилов, помещиков и разночинцев, чиновников и людей искусства. Однако речь не о том. Мы, наконец, подходим к теме, заявленной в заглавии нашей заметки.

Бывая в Туле, Тургенев не мог не слышать фамилию своего будущего героя, ибо эта фамилия была известна всему городу и его окрестностям. И фамилия эта была... Базаров. В течение многих лет протоиерей Иоанн Григорьевич Базаров преподавал философию в Тульской Духовной семинарии. Его сын, тоже в будущем протоиерей, Иоанн Иоаннович Базаров был почти ровесником Тургенева. Он родился в 1819 году, окончил в 1839 году семинарию, где преподавал его отец, а в 1843 году стал выпускником Санкт-Петербургской Духовной академии, защитив магистерскую диссертацию на тему «О Церкви Англиканской, сходстве ее с Православной и различиях от нее». ³¹ По-видимому, молодой выпускник Академии зарекомендовал себя с лучшей стороны, поскольку уже в 1844 году был рукоположен в сан священника русской церкви во Франкфурте-на-Майне и направлен в Висбаден духовником при вел. кн. Елизавете Михайловне, дочери вел. кн. Михаила Павловича. Вся дальнейшая служба И. И. Базарова проходила в Германии в качестве духовника особ царствующего дома. Однако, занимая высокие должности, прот. Иоанн Базаров проявил себя и как деятельный реформатор. По его инициативе, например, «места псаломщиков при русских православных церквях за границей стали замещаться лицами, окончившими курс Духовной академии. Новый порядок давал возможность совмещать церковное служение с учебой в заграничных университетах». ³²

Прот. Базаров оставил после себя значительное литературное наследие: переводы (среди которых «История российской церкви»

---

³⁰ *ИВ*. 1893. № 12. С. 666.

³¹ Здесь и далее сведения об И. И. Базарове заимствуются нами из статьи архим. Августина (Никитина) (Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2002. Т. 4. С. 259–260) и собственных воспоминаний И. И. Базарова.

³² Православная энциклопедия. Т. 4. С. 259.

А. Н. Муравьева), оригинальные статьи, посвященные различным вопросам церковной и светской жизни, даже планировал издание нового церковного журнала. Многие его труды печатались в Карлсруэ, где Тургенев мог встретить его имя в книжных лавках. Как ни парадоксально, но в своем роде прот. Базаров был человеком прогрессивных взглядов, осознававшим насущную необходимость преобразований в близкой ему церковной сфере. Опубликованная им в воспоминаниях переписка с рядом современных деятелей свидетельствует о том, что он был крайне озабочен общественными проблемами и стремился, чтобы обновление русского общества, вызванное Великими реформами, коснулось и института русской православной церкви. Широко образованный, энергичный духовник царственных особ обладал несомненным литературным даром. Его воспоминания написаны живым языком, полны интересных зарисовок о жизни русских за границей, содержат важные сведения об известных деятелях русской культуры, с которыми он был знаком и состоял в переписке — В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, канцлером А. М. Горчаковым и многими другими.

И. И. Базаров был лично знаком с Тургеневым, хотя это знакомство произошло спустя восемь лет после выхода в свет романа «Отцы и дети», в начале 1869 года, в Штутгарте, где Базаров жил с 1853 года и где он скончался в 1895 году. Сведения о знакомстве с писателем содержатся в воспоминаниях И. И. Базарова, опубликованных в «Русской старине». Говоря о возвращении в Штутгарт на зимние квартиры, Базаров вспоминал: «Здесь в ноябре мне привелось сделать два интересных знакомства. На эту зиму в Стутгарте поселился с семейством А. М. Жемчужников, и здесь у него родилась дочь. Восприемником при крещении ее был И. С. Тургенев, который для этого приехал из Бадена».³³ Кое в чем память подвела мемуариста. Это, прежде всего, упоминание месяца ноября, поскольку крестины дочери Алексея Михайловича и Елизаветы Алексеевны Жемчужниковых Натальи состоялись в Штутгарте 10 января н. ст. 1869 года. Сохранились письмо А. М. Жемчужникова к Тургеневу от 18 (30) декабря 1868 года, содержащее приглашение на крестины дочери в воскресенье, 3 января,³⁴ и ответное письмо Тургенева от 20 декабря 1868 (1 января 1869), в котором он просил перенести крестины на неделю, то есть на 10 января, поскольку собирался завершить и привезти для прочтения свою повесть «Несчастливая».³⁵ Кроме того, зиму

---

³³ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСМ*. 1901. Т. 108. № 11. С. 285.

³⁴ *ИРЛИ*. № 5813. Л. 19.

³⁵ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 112.

1868/1869 Тургенев провел не в Баден-Бадене, а в Карлсруэ, где он поселился в середине ноября 1868 года и прожил почти до середины марта следующего 1869 года. Именно из Карлсруэ писатель и приезжал в Штутгарт на один день.

Имя Алексея Михайловича Жемчужникова (1821–1908), одного из авторов знаменитого Козьмы Пруткова, странным образом связывает Тургенева и Базарова, давая основания думать, что прот. Базаров обладал гораздо более либеральными взглядами, чем полагалось настоятелю придворной русской церкви в Штутгарте, где он исполнял также обязанности духовника вел. кн. Ольги Николаевны, по совету которой, кстати, были написаны его мемуары. Именно вел. кн. Ольга Николаевна, ставшая в 1864 году королевой Вюртембергской, по воспоминаниям прот. Базарова, была недовольна тем, что тургеневский герой-нигилист носил имя ее личного духовника. Вот что писал об этом сам Базаров: «Как рассказывал мне Свербеев, Тургенев всячески избегал Штутгарт, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна им за то, что он в повести „Отцы и дети“ дал герою романа имя Базарова, „как будто он не знает, — прибавляла при этом ее величество, — что это имя носит мой духовник“». ³⁶ Прот. Базаров даже считал, что именно по этой причине в январе 1869 года Тургенев приехал в Штутгарт лишь на несколько часов и после крестин тотчас уехал в Баден.

Мы не можем с точностью сказать, сколько часов провел Тургенев в Штутгарте 10 января н. ст. 1869 года, однако с уверенностью можем предположить, что он не только присутствовал на крестинах дочери Жемчужниковых, но и читал своему хорошему знакомому повесть «Нечастливая», которую должен был привезти с собой. Можно также предположить, что вряд ли Тургенев так уж боялся гнева королевы Вюртембергской, хотя ее недовольство фамилией героя «Отцов и детей» было вполне объяснимым. Сам И. И. Базаров, который, очевидно, исполнял обряд крещения, так вспоминал об этой встрече с Тургеневым в Штутгарте: «Я в первый раз встретился с нашим знаменитым писателем, и мне показалось, что ему было как-то неловко со мною. Но потом мы разговорились <...>». Далее мемуарист передает рассказ Тургенева об одном эпизоде, который не выходил у писателя из памяти.

«У меня такая глупая натура, — говорил Тургенев, — что если я видел или слышал что-нибудь замечательное, я не могу быть спокоен, пока не напишу этого. Хоронили мы Грановского в Москве. Уже наша процессия, протянувшаяся чуть не на версту, приближалась к кладбищу,

---

³⁶ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт*. 1901. Т. 108. № 11. С. 285.

как в это самое время обгоняет нашу процессию какой-то мужичонко в розвальнях, сидя бочком на гробу и из всех сил погоняя веревочным кнутиком свою клячонку. Очевидно, он спешил обогнать наше помпезное погребальное шествие, чтобы поскорее свалить своего покойника в могилу. Вот этот-то контраст картины преследует меня доселе, и я не успокоюсь, пока не напишу его». Прот. Базаров утверждал, что, «действительно, вскоре затем» Тургенев «включил эту сцену в один из своих прекрасных рассказов». ³⁷ Похожий сюжет содержится лишь в одном произведении Тургенева, написанном после 1869 года, — в повести «Пунин и Бабурин», которая была впервые напечатана в апрельской книжке журнала «Вестник Европы» за 1874 год. Это эпизод на Гороховой улице в Петербурге, где рассказчик встречает похоронную процессию, которую сопровождал лишь один человек. «Погребальная процессия перебила мне дорогу. Вся она состояла из единственной колесницы, то есть, собственно говоря, из дряхлых дрог, на которых, грубо подбрасываемый толчками ухабистой мостовой, колыхался убогий деревянный гроб, до половины прикрытый потертым черным сукном. Старый человек, с белой головою, выступал один за дрогами». ³⁸ Этим человеком был герой повести республиканец Парамон Семеныч Бабурин, хоронивший своего лучшего друга Никандра Вавилыча Пунина. Многие из рассказанного писателем прот. Базарову изменилось в означенном эпизоде, однако главное — тягостное впечатление одинокой безвестной смерти — осталось.

Затронул ли писатель в беседе с прот. Базаровым вопрос о фамилии главного героя «Отцов и детей», мы не знаем. Во всяком случае, в воспоминаниях Базарова об этом ничего не говорится, хотя умолчание в данном случае может означать, что оба собеседника сознательно не касались щекотливой темы. Замеченная мемуаристом неловкость в поведении Тургенева должна была подтвердить правильность догадки вел. кн. Ольги Николаевны. Однако сам Базаров, кажется, не обиделся на писателя за столь нелестное, на первый взгляд, сближение. До нас не дошли отзывы прот. Базарова о романе Тургенева, наделавшем много шума в разных кругах общества. Но очевидно одно: обладатель фамилии, ставшей известной всему миру благодаря Тургеневу, высоко ценил талант писателя. Еще одно место из воспоминаний прот. Базарова позволяет судить о нем как о человеке очень достойном и скромном.

---

³⁷ Там же.

³⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 50.

Протоиерей И. И. Базаров.
Гравюра В. К. Зейпеля

Часто бывая в Баден-Бадене, Базаров более не искал встреч со знаменитым писателем, хотя многие русские люди, по его свидетельству, «только затем и заезжали в Баден, чтобы посмотреть на Тургенева».³⁹ Парадокс состоял в том, что приезжие нередко подходили к Базарову и учтиво спрашивали его, не является ли он Тургеневым, и, слыша отрицательный ответ, извинялись, ссылаясь на удивительное сходство его с писателем. «А другие, — пишет далее Базаров, — даже знавшие меня лично, также уверяли, будто я ужасно напоминаю собою Тургенева». Сохранившаяся гравюра Зейпеля подтверждает, на наш взгляд, мнение окружающих. Сам же Базаров писал по этому поводу: «Я не знаю, могли я или кто другой гордиться таким сходством, а скорее следовало жалеть, что наружность бывает обманлива, не всегда соответствуя внутреннему достоинству».⁴⁰

Нам остается задать вопрос: что привлекло Тургенева в фамилии Базарова. Кто стоял за нею — отец или сын, не столь важно. Имело ли значение для писателя, что оба они происходили из духовного звания? Ведь в первой строке формулярного списка будущего героя «Отцов и детей» значится: «Сын доктора, который сам был сын попа».⁴¹ Правда, в окончательном тексте Базаров называет себя «внуком дьячка», а не священника (гл. XVI), как бы «принижая» свою родословную. Впрочем,

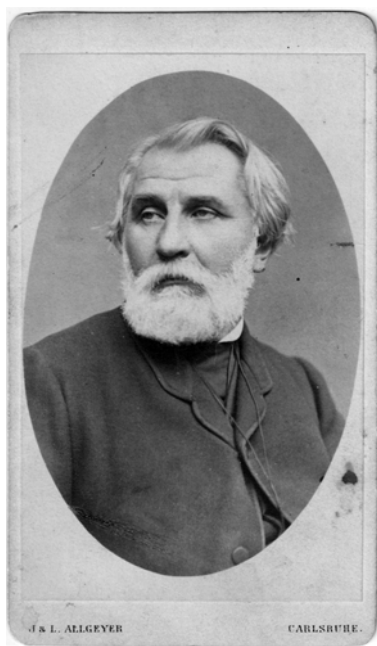
---

³⁹ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСМ*. 1901. Т. 108. № 11. С. 286.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 566.

И. С. Тургенев.
Фотография И. и Л. Альгайер. Карлсруэ, 1868 г.

тут же не без вызова прибавляет: «Как Сперанский», намекая на блестящую карьеру выдающегося деятеля М. М. Сперанского, происходившего из семьи бедного священника и ставшего главным советником Александра I в государственных делах. В любом случае, Тургенев не был далек от истины, сочиняя родословную своего героя. На медицинские факультеты чаще всего попадали именно дети священников.⁴² А может быть, писателя привлек восточный колорит фамилии, происходившей (в том числе у тюркских народов) от имени Базар, ребенка, родившегося с праздничный базарный день. Писатель не раз подчеркивал происхождение своей фамилии от татарского мурзы Льва Тургена, оставшегося на русской службе.

---

⁴² См.: Белоусов А. Ф. «Внук дьячка» // *Philologia*. Рижский филологический сборник. Рига, 1994. Вып. 1: Русская литература в историко-культурном контексте. С. 30–41. Приняв гипотезу А. И. Батюто о Н. С. Преображенском как одном из прототипов Базарова, автор статьи обнаружил в пьесе Н. Преображенского «Свадьба Чирибеева» любопытный пассаж об униженном положении дьячков в обществе» (С. 33).

Как бы то ни было, прот. И. И. Базаров, который к тому же являлся тезкой великого писателя, не таил в душе обиды на своего знаменитого земляка. Об этом свидетельствует и тот факт, что эпиграфом к своим воспоминаниям он поставил стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Старик».⁴³

---

⁴³ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт.* 1901. Т. 105. № 2. С. 283.